

На Пасху святители куличи и яйца на улице. Неподалёку вертелся попрошайка, привычный глазу, как прихрамовые фонари, чьё существование помнишь, но описать при случае не сумеешь. Лена вообще не любила попрошаек: с одной стороны, думала, что надо быть доброй и давать копеечку, но с другой – знала людей, которым копеечка нужнее. И, решая эту моральную дилемму, она не смотрела нищим в лица, а быстренько прошмыгивала мимо в надежде, что они на неё тоже не станут смотреть. Такая детская вера: закрыл глаза – и сам не видишь, и тебя не видно. Так и было, не смотрели, а на Пасху один попрошайка встал прямо возле лестницы, по которой спускались прихожане, и просил денежку. Лена быстро-быстро уходила в сторону калитки, а в спину ей неслось:

– Или булочку! Или яйцо!

И хотя пропитое лицо откровенно намекало на цель сбора средств, самой себе Лена казалась неприятной и жадной.

С самоизоляцией в городе всё было странно: вроде продлили, а захочешь найти информацию – и нет её. Ни в каком интернете не найти. В ближайшем парке двадцатого числа громко оповещали о режиме самоизоляции до девятнадцатого. Но посещать церкви не запретили, и на том спасибо. Правда, ходили слухи, что в храм на Пасху никого не пустят, и архиепископ призывал воздержаться от посещения ночной службы, но обошлось: и службу отстояли, и крестным ходом прошли, и «Христос Воскресе» покричали. Хоть и на разграфлённом полу, отмечающем социальную дистанцию, хоть и в масках, но в полной мере ощутили радость Воскресения.

Во вторник, двадцать первого числа, Лена поехала в собор на вечернюю службу. Шла Светлая седмица, и хотелось вобрать в себя как можно больше благодати. Ещё до одури пугала самоизоляция и хотелось сбежать из дома хотя бы в храм. Пользоваться автобусами Лена опасалась и, как только сошёл снег, пересела на велосипед, который два года назад приобрела с рук. За это время Лена успела переставить тормозные колодки, сменить камеры, выровнять руль и наречь велосипед Лосиком. В целом они с Лосиком подружились, зимы он коротал на балконе, а летом вместе с хозяйкой ездил в лес, на речку и просто катался по городу. Теперь вот – на службы.

Лена крутила педали и думала, что ездить в юбке на велике – то ещё удовольствие: подол задирается, норовит залезть то в цепь, то в тормоза, мнётся, пачкается... В целом, конечно, ерунда, но неприятно. В джинсах куда удобнее, но не поедешь ведь в храм в джинсах. Конечно, можно накрутить на себя юбку, их достаточно висит на крючках при входе, но осуждающие взоры бабулек, их вздохи и наставительные беседы были невыносимы.

На скамейке возле самого входа в храм, где Лена всегда оставляла Лосика, сидели попрошайки и ели ослепительно-белое на фоне их коричневых лиц мороженое. Они посмотрели на Лену тяжёлыми взглядами, и та не рискнула пристёгивать железного коня в привычном месте – вдруг поцарапают или, чего доброго, заразят вошью – и отправилась с велосипедом к следующей скамейке, не такой удобной.

Ровно в половине пятого Лена вошла в храм. Вышла в семь и, крестясь на лик Спасителя над входом, успела подумать: «Весело будет, если я повернусь, посмотрю на скамейку, а Лосика нет!». Она повернулась, посмотрела на скамейку и увидела, что Лосика действительно нет. Поморгала, но велосипед не появился. Лена решила, что

это какая-то оптическая иллюзия, потом представила, что кто-то из охранников отцепил и отогнал его в сторону, чтобы не мозолил глаза архиепископу, чьи окна выходят почти на эту злосчастную скамейку, которая, в отличие от другой, привычной велику и самой Лене, не попадала в зону камеры, висящей над входом. Мысль, что кто-то возьмёт грех на душу и украдёт с территории собора чужую вещь, – даже в голову не могла прийти.

Она быстро спустилась с крыльца, подошла к скамейке и увидела, что по другую сторону от того места, где стоял Лосик, лежит раскрытый привязочный трос. Лена схватила этот трос, села на скамейку и заревела в голос. Спускавшийся с крыльца священник оглянулся на звук, спросил, что случилось, и девушка, потрясая тросом, проблеяла сквозь слёзы:

– Велосипе-е-ед!

Женщина, выходящая из храма вместе со священником, воскликнула:

– Так это Ванька!

– Какой Ванька? – нахмурился священник.

– Ну, наш Ванька-попрошайка! Я в пять часов выходила, прямо в начало службы, видела, как он садится возле скамейки на велосипед. Ещё подумала: откуда у него такой дорогой велосипед? Он меня не видел, вот туда, к парку, поехал. Да кабы я знала, что это ваш!.. – Она растерянно и виновато посмотрела на Лену.

Та всхлипнула.

– Где он живёт?

– Да нигде...

– Сейчас! – сказал священник и отправился обратно в храм.

Вернулся он с другими священниками, и все вместе они попытались придумать, что делать. Никто не знал ни фамилии Ваньки, ни места его обитания.

– А я его прямо перед службой встретил с бутылкой. Ну-ка, говорю, что у тебя там? Он говорит: вода. А я понюхал: ну, ацетоном в нос шибает! Он же нюхает постоянно, токсикоман!

«Неплохо так на паперти подают, раз на вещества хватает...» – подумала Лена.

– Да гнать его надо было давным-давно, чтобы не ошивался тут!

– А ведь Родион с ним вроде бы общался! Может знать, где искать.

Но неизвестный Лене Родион не брал трубку. Ничего, кроме милиции, в голову не приходило.

Прибывший на вызов парень дал Лене втык за подобранный и орошённый слезами трос, который надо было как улику оставить там, где лежал, затем посадил девушку в машину и повёз в отделение. С полчаса она сидела на диванчике и думала, как бы предупредить маму о том, что вернётся, по всей вероятности, поздно, – телефон в храм она никогда не брала.

Потом за ней пришёл опер по имени Александр и повёл девушку к себе в кабинет.

– Почему нарушаете режим самоизоляции?

– Так я же только в храм. Разрешено ездить туда, где открыто.

– А, так вы на своём личном автомобиле? – кивнул Александр.

– На своём личном велосипеде! – снова захныкала Лена.

– Ну, не переживайте! – сказал Александр. – Найдётся. Надо же быть таким мерзавцем – от храма воровать! Давайте сейчас проедемся по району, может, он там катается, так просто сразу заберём.

И они поехали по стемневшему весеннему городу. Шагали по тротуарам гордые собаки с хозяевами на повод-

ках. В масляном свете фонарей пролетали силуэты велосипедистов. На деревьях и кустах еле заметным шумом распускались первые крохотные листья. Это было бы даже романтично, не будь так грустно.

– Не видно ничего.

Александр вздохнул и уверенно ответил:

– Я думаю, бомжа-токсикомана на бело-голубом велосипеде мы сразу заметим!

– А узнаем мы его по стойкому запаху ацетона! – согласилась Лена, и оба захохотали.

Конечно, обнаружить преступника, запросто рассекающего на похищенном железном коне, им не удалось.

– И, понимаете, я его надолго-то нигде не оставляю без присмотра! Только вот возле храма...

– Да уж... – сочувственно ответил опер. – Ну, не вздыхайте, найдём.

– Я не потому. Мама дома волнуется. Я же без телефона ушла.

– Номер помните?

– Нет, – Лена покачала головой. – У меня мама старенькая и паникёрша к тому же, сейчас навоображает себе...

– Она с вами в храм не ходит?

– Мама в зоне риска, ей вообще из дома запрещено выходить. Она и так с ума сходит, а тут ещё я пропала.

Потом они вернулись в отделение и стали смотреть картотеку. Одновременно Александр связывался с районными товарищами, которые должны были знать своих подопечных. Бомжей Иванов в городе Абакане оказалось тридцать семь человек, и никого Лена не смогла опознать.

– Ой, а давайте алкоголиков посмотрим? – предложила она. – Может, он всё-таки не совсем пропащий?

Алкоголиков оказалось больше, чем бомжей, что хоть и свидетельствовало об относительном благополучии го-

рожан, но надежды в поиске велосипеда не давало. Кто-то из алкашей походил на героя фильмов братьев Коэнов, некоторые добродушно улыбались. И никого из них Лена не знала. Отобрали несколько человек и поехали показывать отцу Петру, который вызывал полицию и оставил свой номер для связи. Тот ни в одном Ваньку не признал, но сообщил, что можно поискать на теплотрассе рядом с аэропортом: кто-то однажды говорил, что он именно там обитает.

Ещё отец Пётр сообщил, что другая свидетельница видела, как Ванька крутился возле велосипеда и лет ему не больше, чем двадцать пять.

– Как?! – удивилась Лена. – Мне казалось, под сорок!

Александр посмотрел на девушку с укоризной: всё это время он ориентировал районных товарищей на сорокалетнего бомжа.

По темноте – хоть выколи глаз! – они отправились к теплотрассе, но ничего там не разглядели и снова вернулись в отделение. Там Александр передал Лене в руки следователю, которому пришлось вкратце изложить события вечера. Потом все вместе отправились осматривать место происшествия.

– Смешно будет, если ворота закрыты... – сказала Лена, когда все уже сели в машину.

Ворота действительно оказались закрытыми, скамейку фотографировали сквозь решётку, и, конечно же, её не было видно на снимке.

– А чего собаку не взял? – спросил Александр у приехавшего криминалиста.

– А мне её через забор кидать, что ли?! – возмутился криминалист, а Лена, представив себе собаку-летягу, истерично захрюкала, и все посмотрели на неё с сочувствием.

– Ладно, поезжайте составлять фоторобот, а мы тогда к свидетельнице съездим, – сказал следователь.

– Фоторобот? – изумилась Лена. – Велосипеда?! Так у меня фотка где-то была.

– Фоторобот бомжа.

– Я же его и не видела толком!

– Ну, что поделывать? Надо!

В одиннадцать вечера Лена оказалась у криминалистов, где у неё наконец изъяли трос и взяли пробу ДНК.

– А волосы у него какие? – допытывался дядечка, специалист по фотороботам.

– Я вроде бы помню тёмные, а отец Пётр говорил, что светлые...

– Отец Пётр? – удивился дядечка.

– Ага, – кивнула Лена, – это возле храма происходило. Дядечка откинулся в кресле и с удивлением посмотрел на Лену.

– Что? – с вызовом спросила та.

Дядечка покачал головой и вернулся к фотороботу.

– Ну а всё-таки? Если помыть, побрить?..

– Если помыть и побрить, так, наверное, и замуж можно, – устало вздохнула Лена, – но я не помню!

Дядечка оживился, в глазах его сверкнул интерес.

– А что, не замужем, нет?

Лена ответила саркастическим взглядом, а потом скосила глаза на Александра, сидевшего за её спиной.

– Ну как же это вы не помните лицо того, кто вас обидел?

– Я же при этом не присутствовала! А в лица бомжам я не смотрю.

– А как же христианская добродетель? Подавай – и воздастся? Или вдруг он на самом деле принц на белом коне? Стукнется оземь, обернётся красавцем!..

Дядечка откровенно флиртовал, и Лена засмеялась от нелепости происходящего, всё ещё осторожно оглядываясь на Александра.

– В каком состоянии находились, когда видели объект?

– В самом благодушном.

Дядечка захихикал и щёлкнул себя по шее:

– Это, что ли?

– Как смешно! – ответила Лена и показала рукой «косяк».

– Да?! – воскликнул дядечка.

Лена вздохнула.

– Шутка. Почему вы такой нестроумный?

Дядечка смущённо хмыкнул.

После этого Александр довёз Лену до дома, дал номер для связи и отправился продолжать ночное дежурство. Ему ещё предстояло инспектировать ломбарды.

Дома девушке на грудь бросилась зарёванная мама, которая за пять часов Лениного отсутствия успела навоображать маньяков, теракты и дорожные происшествия, оповестила всех родственников и друзей, а потом догадалась позвонить в справочную, где ей сообщили о поступившем от дочери заявлении.

На следующее утро Лена отправилась в храм, к причастию. Спать хотелось невероятно: сказывались и нервы, и вчерашняя усталость, – и во время службы девушка покачивалась с закрытыми глазами. Опер Александр прислал ещё два портрета преступников, которых никто из свидетелей не опознал. Сам он не приехал, хотя накануне и собирался опрашивать нищих.

Лена причастилась, сходила на крестный ход и, выключаясь на ходу, отправилась домой, пообещав приехать к вечерней архиерейской службе, куда наверняка должны были прийти попрошайки, знающие и место обитания Ваньки, и его фамилию.

– Придёт, куда он денется?! – сказала кассирша, наблюдая накануне угон велосипеда. – Небось ещё и на велике прикатит, с него станется!

Но он не прикатил. Вообще, похоже, у нищих в тот день был выходной, и милостыню у ворот никто не просил.

Зато Лене удалось поговорить с тем самым Родионом, прихожанином в костюме, который постоянно помогал на службах и которому накануне никак не могли дозвониться.

– Я ещё год назад предлагал его гнать, у меня свои причины, не буду вдаваться, – сказал он тихим вежливым голосом. – Но я один был, остальные как-то... – Он пожал плечами, из чего Лена сделала вывод, что остальным Ванька особо не мешал.

– Да он ещё когда сумку спёр, я его гоняла! – громко подтвердила жилистая и бодрая старуха Надежда, работница собора.

– Так он что, не впервые ворует? – удивилась Лена. – И его никто не посадил?

Надежда пожала плечами.

– Как сумку крал, свидетелей не было, я-то видела только, что в храм входил, а сам не сознался. И женщина заявлять не стала: у неё там сто рублей было да удостоверение какое-то. Невелика ценность.

– Ну вот... – вздохнула Лена.

– Я думаю: может, это Божий промысел? – сказал Родион. – Теперь-то его точно прижучат, никуда не денется. Вот ведь: и свидетели есть, и заявитель есть...

Лена нервно засмеялась:

– Только велосипеда нет.

Родион развёл руками. Они стояли на крыльце, мимо проходили батюшки, и каждый останавливался поинтересоваться судьбой железного коня.

«Вот он, промысел, – думала девушка. – Зато со всеми священниками и прихожанами перезнакомилась!»

– Фамилия его вроде Ежов... – вдруг сказал Родион.

– Что?! – воскликнула Лена. – Вы знаете его фамилию? Ежов? Родион, где же вы были вчера?!

– Ну да, я год назад паспорт его видел. Если правильно помню, такая фамилия...

Через пятнадцать минут опер Александр прислал фото бомжа Ивана Ежова, которого наконец все опознали. Ещё Лене рассказали про несколько его ночлежек, информацию девушка тоже передала по нужному адресу. Это было в среду, и до пятницы больше ничего не происходило.

А в пятницу Надежда рассказала Лене, что на днях этот Ванька с ножом напал на прохожего, тот его обезоружил и вызвал полицию. Но Ванька дал дёру.

– Где-то в подъезде спрятался... Вон на скамейке Тамара сидит, поговори с ней, она видела. За ней он тоже с ножом гонялся.

Тамара оказалась довольно милой женщиной со следами жизненных коллизий на лице и челюсти.

– А он уже и не жилец! – доверительно прошепелявила она. – Менты его просто прибьют, если поймают.

– Что вы! – не поверила Лена. – Будет при задержании сильно сопротивляться, так, конечно, могут и по зубам врезать. А так-то...

– Не-не! Они нас утром приезжали опрашивать, так и сказали: прибьём, мол! – Она сделала страшные глаза.

– Ну-у-у... – протянула Лена, – если бы он просто вернулся велик хоть на следующий день, я бы забрала заявление. А раз он уже с ножом на людей кидается...

Они помолчали, и вдруг Тамара воскликнула:

– Ну вот так-то: у кого красть! У кого красть! – и перекрестилась на храм.

«Ничего себе», – опешила Лена.

Надо было, наверное, дать ей копеечку, но девушка не сообразила.

Шли недели, окончательно зазеленели улицы, на окне из маленьких горшочков тянулась к стеклу массивная помидорная рассада. Люди всю нарушали режим, и полиция практически не пыталась контролировать перемещения пешеходов по паркам и бульварам.

Лена решила прогулять маму в дальний магазин, путь в который лежал через парк и бульвар.

– А то ты у меня совсем засиделась. Сядем на скамейку на бульваре и будем назло всем есть мороженое!

Так они и сделали. Мороженое быстро кончилось, но уходить с улицы не хотелось. Мама устало смотрела на зелёные деревья, Лена следила за входом в магазин, поэтому приближения патруля они не заметили и вопрос: «Почему нарушаем?» – для обеих стал полной неожиданностью.

– Вот ждём, пока из магазина толпа выйдет, – не растерялась мама. – Мне же семьдесят лет, а туда студенты набились как в бочку. Не за ними же нырять.

Полицейский вздохнул и спросил:

– А маски есть?

– И перчатки есть!

Лена посмотрела на парня, державшегося поодаль, и улыбнулась.

– Александр? Вы?

Тот подошёл поближе, улыбнулся под маской и ответил:

– Мария?

– Елена, – поправила Лена.

Александр виновато тряхнул головой:

– Точно, Елена.

– Никаких новостей?

– Нет. Вы этого Ивана так и не видели?

Лена развела руками.

– Ну, будем искать.

Главный в патруле оценивающе посмотрел на мать и дочь, попросил долго на скамейке не сидеть и махнул рукой: мол, уходим.

Когда Лена с мамой, нагруженные покупками, вышли из магазина и дошли до перекрёстка, наперерез им по проезжей части промчались два велосипеда.

– Не твой? – воскликнула мама.

И Лена с удивлением и ужасом узнала своего бело-голубого железного коня.

На его седле тряслась толстая блондинка в красной куртке. У неё было на удивление злое лицо, рядом ехал тщедушный вертлявый парень на тёмном велике. Они исчезли так же быстро, как появились, а мать и дочь в растерянности остались стоять на тротуаре.

Той ночью Лене снился велосипед. Она крутила педали, а Лосик поскрипывал и взбрыкивал на ухабах. По пустому полю они мчались к горящему закатному горизонту, и ветер свистел в ушах, и лицо горело от радости.

Накануне, сразу после встречи с толстой блондинкой, она позвонила оперу Александру, который звонок скинул и до трёх часов на сообщения не реагировал. В три часа Лена поняла, что надо брать дело в свои руки, и отправилась в полицию пешочком, благо в городе всё было близко. Дежурная дала номер и отправила звонить по внутреннему телефону. Парень, взявший трубку, сообщил, что следователь уехала домой после суток, но он ей сейчас позвонит и сообщит, что надо связаться с потерпевшей.

– Понимаете, я подумала, что для вас мои новости, наверное, могут представлять ценность, – извиняющимся тоном сказала Лена.

– Безусловно! – заверил парень и велел ждать звонка от следователя.

И девушка пошла гулять по городу в надежде встретить красотку-блондинку ещё раз.

Через полчаса зазвонил телефон. Убитый девичий голос прощебетал из последних сил:

– Здравствуйте, это следователь.

– Здравствуйте, это потерпевший, – ответила Лена.

– Не обращайтесь внимания, у меня язык заплетается, но я не спала двое суток. Это не от алкоголя, честно.

Лена промычала что-то понимающее.

– Мне передали ваше дело от другого следователя, там некоторых документов не хватает, давайте договоримся на завтра, на девять утра?

Утром Лена прибыла в управление на десять минут раньше назначенного срока, следователь с юным лицом и голосом-щебетом отоспалась и оказалась примерно того же возраста, что и Лена. Еле отыскала нужное дело, засунутое куда-то глубоко в сейф, в ответ на предложение показать патрульным нормальный снимок велосипеда, а не то расплывчатое ч/б, что подшито к делу, стала читать Лене нотацию о том, что не надо судить полицию по фильмам и сериалам.

– Знаете, сколько у нас угнанных велосипедов в поиске?

– Представляю.

– Люди сами бросают на улице или в подъезде оставляют непристёгнутыми...

– Представляю...

– А сколько их по улице гоняет! Патрули же не могут каждый велосипед отследить!

– Представляю!

Маска на лице у Лены явно не пропускала интонации. Она не любила нотаций не по теме, особенно когда они затягивались. Лена начинала рычать и рывкать. Но рывкать на беднягу следователя, которой не повезло получить дело о велосипеде, девушка не стала, а почти вежливо ответила:

– Да, я всё это представляю, давайте о чём-нибудь другом поговорим!

– Поэтому не волнуйтесь, найдут! – внезапно завершила мысль её собеседница.

– Как же его найдут, если у вас столько велосипедов в разработке? – съязвила Лена.

Следователь подняла на Лену проникновенный взгляд.

– Знаете, у меня однажды украли телефон. Кнопочный ещё. Сейчас таких и не выпускают. А тогда это просто шик был! Я ещё студенткой была, сама на него копила и подарила себе на день рождения. И толком не успела попользоваться, его у меня украли. И, значит, проходит года два, еду я в автобусе, рядом девушка СМС пишет, я смотрю, а это мой телефон! В общем, я с ней заговорила, оказалось, мы с ней учились вместе, ну, я ей и сказала: мол, телефон у тебя мой, краденый. Ну, она такая: да и пофиг! У неё папа ломбардист, вот она ему сказала, что сама терпила телефон опознала, так он тут же номера перебил, чтобы по документам не сошлось, чтобы мне его не вернули. Представляете, специально купил такой же телефон и нутро переставил! Привёз в отдел. Ну что, говорит, твой? Я говорю: корпус мой, а нутро же очевидно, что новое! А не докажешь! И я выхожу, реву – так обидно! А он стоит и смеётся! Что, говорю, гад, весело тебе? Я плачу, а ты смеёшься? Ребёнок по копейке собирал на телефон, а ты ржёшь? А ему пофиг. И где я его потом только не встречала... Я тогда в салоне красоты работала, его жена к нам ходила. Что, говорю, урод,

жену встречаешь? Или на рынке он абрикосы выбирал – ах, ты, тварь, витаминчиков захотел, сволочь?!

Лена смотрела на следователя почти с любовью. Один её персонаж стоил трёх велосипедов.

– Чем дело-то кончилось?

– Да я пришла к операм, рассказала: так, мол, и так, ребята, помогите. Вот этот придурок ходит, а никак не доказать. В общем, как-то они его прижучили, вернул он телефон.

«Наверное, после этого она ощутила своё призвание и подалась из салона красоты в полицию!» – подумала Лена, но вслух говорить остереглась.

– Поэтому вы, если что, не пытайтесь девушку эту задержать и не говорите, что велик краденый, а то, чего доброго, перекрасит или ещё чего с ним сделает, потом не докажешь ничего. Ещё раз увидите, попробуйте сфотографировать или как-то выяснить, кто такая, где живёт...

Потом они составляли документ о вчерашней встрече с блондинкой, одновременно доделывая документы, отсутствующие в деле, – и Лена поняла, что, не появившись она с новостями, дело бы так и кануло в архив. Также договорились, что в понедельник будут составлять фоторобот, и Лена радостно воскликнула:

– А я вам пока референс могу предоставить!

– Что предоставить? – удивиласьследователь.

– Референс. Такая штука... – Лена улыбнулась сквозь маску. – Когда сценарист пишет сериал про полицию, он указывает, на что это похоже: на «Улицы разбитых фонарей» или на «Тайны следствия». Чтобы режиссёр ориентировался, что именно он снимает.

Следователь смотрела с подозрением, и Лена сочла за лучшее оставить в стороне знания, почерпнутые на бесплатных сценарных курсах в интернете, и вернуться к блондинке.

– То есть я могу вам дать фото похожей дамочки. Я когда эту кралю на моём Лосике увидела, то подумала, что она очень похожа на снимок одной тётки. Только моя худее и моложе лет на десять. И глаза у неё не так, а вот так! – Лена показала. – И чёлки нет. По сети ходит смешная картинка, не видели?

И девушка показала следовательнице заранее скачанный портрет со смешной подписью «Белокурая бестия».

– Это что? – у той задёргалось лицо. – Белокурая бестия?!

И девушки захохотали.

В кабинет вбежал парень и плюхнулся на стул.

– Успел? – спросила следователь.

– Угу!

– Мы тут велосипед ищем.

– А, это вы вчера звонили? – обрадовался парень. – Видите, как я проникся вашим делом!

– Спасибо! – ответила Лена. – Вы очень добрый человек!

Следователь взяла ручку и придвинула к себе чистый лист бумаги.

– Как вы сказали – рефе... – что? Я загуглю, как пишется.

– Референс, – Лене уже было неловко за своё умничанье. – Всё через «е».

– А встретили где?

– Перекрёсток... Там, где коты, ворующие сосиски, знаете? Скульптура.

– О, так и укажем! – она стала диктовать себе текст. – Возле памятника котам, ворующим сосиски... встретила девушку, похожую на предоставленное фото...

– ...На предоставленное фото белокурой бестии, – подсказала Лена.

Через пять минут, когда следователь собиралась провожать потерпевшую на выход, её позвали на праздничный чай в честь дня рождения шефа. Весь

отдел запирает двери и с личными кружками шествовал по коридору.

– Вы там, внизу, скажите, что мы все пошли кушать торт! – посоветовала следователь. – Вас, наверное, выпустят...

– Наверное, – согласилась Лена и отважно направилась к выходу.

Дежурный назвал девушку по фамилии и вычеркнул из журнала посещений. Информацию о торте он проигнорировал.

По пути к дому, всё на том же перекрёстке с котами, Лене встретилась девчушка на трёхколёсном велосипеде.

– Здравствуйте! – на удивление чисто и вежливо выговорила она. – Вон там! Стрелка! И зачёркнуто! Низя! Поворот! Низя!

Бабушка, стоявшая рядом с подопечной, засмеялась:

– Всех останавливает, объясняет. Знак там, что разворот запрещён.

– Низя! – снова воскликнула девчушка и для убедительности замахала руками. – Поняла?

Лена засмеялась и пошла домой.

В понедельник к трём часам Лена поехала составлять фоторобот прекрасной леди на краденом велосипеде.

Щебетунья-следователь спешила на какое-то дело, провела Лену через проходную, показала на нужную дверь, велела ждать хозяев в коридорчике и упорхнула. Ни стульев, ни скамеек в коридорчике не наблюдалось, поэтому пришлось стоять. Лена читала книгу Дюма «Графиня де Монсоро». Эпизод, где де Бюсси клянётся прекрасной Диане отныне и навсегда быть её верным рыцарем, посвятить ей жизнь и всё такое. Сердце девушки замирало, и душа просила любви и подвигов.

Мимо промчался опер Александр, которого Лена узнала, несмотря на медицинскую маску. Он девушку тоже узнал, но не остановился.

«Ну-ну!» – подумала Лена, провожая тоскливым взглядом его фигуру, как у античного бога.

Наконец хозяин кабинета появился, предложил для начала просмотреть картотеку, а когда искомой блондинки там не обнаружилось, отправил Лену обратно в коридор, ждать машину, которая отвезла бы её к криминалистам, на другой конец города.

Лена снова прислонилась к коридорной стене и погрузилась в бурлящую жизнь средневекового Парижа. Часы шли. Бюсси мчался в Меридорский замок, Шико спаивал брата Горанфло в трактире «Рог изобилия», а опер Александр остановился напротив и спросил:

– Это же вы? Лена?

Та подняла голову и заулыбалась.

– Вы здесь почему стоите?

– Машину жду. На фоторобот ехать.

– Поедьте со мной, – предложил Александр, – я довезу.

«С вами хоть на край света!» – подумала Лена, а вслух – кивнула.

Машину вёл другой сотрудник, а Александр повернулся к девушке с переднего сиденья и спросил:

– Вы почему мне не позвонили?

Лена растерялась:

– Так дело передали от одного следователя другому, а вы в пятницу не отвечали, я и подумала, что не надо вам надоедать.

– Ну что вы, – как-то даже расстроено ответил Александр. – Я же обещал помочь!

Александр улыбался за дурацкой медицинской маской, и сердце Лены возликовало, в душе расцвели фиал-

ки попеременно с пионами, а глаза засияли так, что могли затмить солнечный свет.

– Вы если ещё раз свой велосипед увидите, немедленно мне звоните, в любое время: днём или ночью. Я приеду.

Надо ли описывать, что в это время творилось в душе бедной девушки, не избалованной подобными словами, да и вовсе лишённой в последние годы проявлений малейшего сочувствия со стороны окружающих мужчин?

Лена умилилась так, что сама была готова посвятить ему жизнь и всё такое.

Но времени на посвящение не оставалось, машина приехала, и тот сотрудник, что сидел за рулём, повёл девушку к уже знакомому дядьке, составляющему фотороботы. Александр из машины не вышел, и Лена уходила прочь, ругая себя на чём свет стоит за то, что не догадалась хотя бы помахать рукой на прощание.

Дядька-фоторобщик смотрел на Лену с прищуром.

– Рада вас видеть! – проникновенно сообщила она.

– Хм! – ответил он.

Вместе они состряпали страшилку, достаточно похожую на давешнюю злобную блондинку. Её Лена хотя бы разглядела и запомнила, а потому справились быстрее и веселее, чем с наркоманом Ванькой.

– В каком состоянии находились на момент встречи? – как в прошлый раз, спросил дядька.

– В самом благодушном, – как в прошлый раз, заверила Лена.

– Что, – он, как в прошлый раз, округлил глаза, – под этим делом, что ли? Выпивши?!

– Что ж вы во второй раз так плоско шутите? – Лена покачала головой.

Дядька смутился:

– А в прошлый раз тоже уже шутил?

Лена сочувственно кивнула.

- Ну ладно, – он вздохнул, и девушке стало стыдно.
- Ничего себе, какой ужас! – воскликнула барышня-криминалист, проходившая мимо и случайно взглянувшая на экран.
- Да! – жалостно воскликнула Лена. – И на моём велосипеде!

А потом она шла по улице и, как в жаркий день мороженое во рту, катала в памяти слова: «Я же обещал помочь... Звоните, я приеду!» – и на лице выступала такая глупейшая счастливая улыбка, что встречные прохожие начинали улыбаться.

Велосипед Лосик так и канул в безвестность. И мент Александр больше не появился в жизни Лены. А Ваньку-попрошайку осенью нашли на теплотрассе.

– Неживой он уже был, – сообщила шепелявая Тамара, остановив Лену у входа в храм. – То ли замёрз, то ли отравился чем-то. А тебе, можно сказать, повезло: Ванька твои грехи с собой забрал вместе с велосипедом.

«Прощай, Лосик! – думала Лена. – Ты был прекрасным верным конём. Мне будет тебя не хватать».

Она вздохнула, потом нашарила в кармане мелочь и высыпала её в стаканчик Тамары.